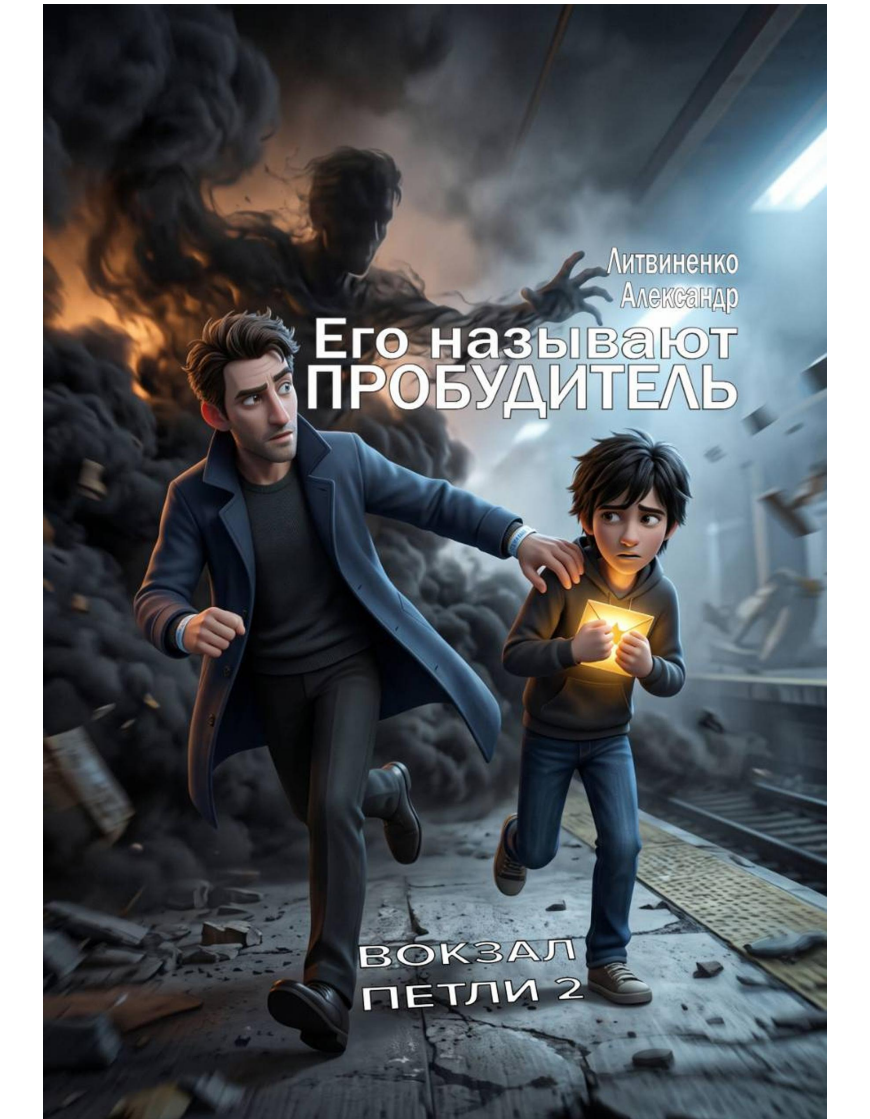

Литвиненко
Александр

Его называют ПРОБУДИТЕЛЬ

ВОКЗАЛ
ПЕТЛИ 2

Александр Литвиненко

Его называют Пробудитель.

Город тишины.

<https://litres.ru/74340022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чёрный туман гонится за Глебом и Максимом по вокзалу, которого не существует. Голос из тумана говорит голосом мёртвого отца — и обещает, что тот вернётся, если Максим просто продолжит ждать.

Глеб знает: это ложь. Но сказать шестнадцатилетнему пациенту, что голос его погибшего отца — не более чем защитный механизм собственной психики, будет стоить дорого им обоим.

А где-то на краю зрения, у самой границы сна, снова мелькает тень. Та, что следит за Глебом уже не первый раз — и, кажется, узнаёт его в лицо.

Содержание

Отец Максима	4
Письмо	10
Убежище	15
Ключи к выходу	20
Тот самый кулон	25
Признание	29
Обещание	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Литвиненко

Его называют Пробудитель.

Город тишины.

Отец Максима

Ранее: Глеб — Пробудитель, спускается в чужие сны, чтобы вытащить людей из комы. Максим, три недели проведший в петле сна, наконец решился бежать к платформе, где отец обещал его ждать — а неизвестная тень внутри этого сна пристально следит за самим Глебом.

Голос, которого он боится

Они бежали.

Здесь бежать означало не просто ставить ноги на дрожащий пол — это было похоже на попытку убежать от стихии, которая уже решила, что ты останешься здесь навсегда.

Стены вокзала дышали, сжимались, выплёвывали новые коридоры. Платформа 12 мигала, сыпалась на пиксели. Номера путались:

10 11 09 11 11 404.

— Если тут появится платформа ошибка сервера, я ухожу пешком, — бросил Глеб, подпрыгивая через исчезающий участок пола.

Максим даже не усмехнулся. Пальцы его белели, вцепившись в конверт.

Они свернули за угол — и туман догнал.

Чёрная волна взвилась и ударила в стену справа. Кирпичи растворились, превратившись в размытые полосы, как если бы кто-то вытирал реальность грязными пальцами.

Из тумана донёсся тот самый искажённый голос — низкий, тянущий, почти человеческий:

— Не открывай.

Он обещал.

Он придёт... если... ты... будешь... ждать...

Максим споткнулся, едва не упав.

Глеб подхватил его за локоть и резко потянул вперёд.

— Ты слышишь? — прошептал мальчик.

— Слышу. И, честно?.. — Глеб перевёл дыхание. — У этого голоса шикарный дар убеждения. Я бы его нанял, если бы не одно «но».

— Какое...?

— Это не твой отец.

Максим вздрогнул.

Мир вокруг дрогнул вместе с ним — как будто сон не любил правду, особенно такую прямую.

Потолок накренился, туман заполнил пространство под ногами.

Стало трудно дышать.

Пока они прорывались вперёд, Глеб продолжал:

— Твоя петля боится, что ты узнаешь правду. Поэтому и играет его голосом.

Максим прошептал:

— Но он... звучит как папа...

— Так и должно быть. Сон использует то, что сможет тебя остановить.

Он посмотрел прямо в глаза мальчику:

— Но это не он. Это твой страх его потерять.

Максим замер.

И в этот момент туман рванулся прямо на них — черная клешня, хищная, вязкая.

Глеб толкнул Максима в сторону. Тьма хищно захлестнула его плечо — кожа обожгла холодом, как жидкий лёд. Он выругался, ударил рукой по чёрному облаку — и туман, будто обиженный, отпрянул.

— Мы почти у тринадцатой! — выкрикнул Максим.

Туман завыл.

— НЕ ХОДИ ТУДА.

ОН ТАМ.

ОН ЖДЁТ.

Глеб фыркнул:

— Да расслабься. Я вообще-то тоже он.

Но глубоко внутри что-то неприятно ёкнуло.

Голос тумана говорил о другом «ОН».

О том, кого Глеб точно не хотел бы встретить в этом сне.

О чём-то старом и очень знакомом в худшем смысле.

О Тени.

Вдали, за зазубренной стеной платформы, мелькнул силуэт. Движение плеча. Плавный поворот головы.

Тень стояла далеко, но Глеб узнал.

Её.

Максим дёрнул Глеба:

— Быстрее!

Коридор перед ними выгнулся, словно стал мягким. Платформа 13 возникла перед ними внезапно, как раскрытая пасть тоннеля: узкая, тусклая, заброшенная.

И посреди неё — потёртая деревянная скамья, и старый чемодан. Папин чемодан.

Максим остановился. Его руки задрожали.

— Он... он был здесь, когда уходил в ту командировку, — прошептал он. — Вот на этой платформе.

— Значит, здесь правда, — сказал Глеб. — А правда всегда в том месте, куда страшнее всего прийти.

Туман ударил в стену позади них, пытаясь прорваться. Мир трещал по швам, словно сон кричал:

НЕ ПУСКАЙ ЕГО СЮДА!

НЕ ПУСКАЙ!

Глеб сделал шаг вперёд, заслоняя Максима.

— Пора поговорить о твоём отце, — сказал он. — Правильно. Без декоративных туманов.

Максим сжал конверт.

Ладони дрожали — но он сделал шаг вперёд.

Максим стоял неподвижно.

Секунда.

Две.

Туман за спиной ревёт, платформа трещит.

И вдруг — мальчик медленно разворачивает конверт к свету.

И мир замирает.

Стены вокзала, потолок, туман, даже Глеб — всё словно затаило дыхание.

Глеб тихо сказал:

— Выбор за тобой.

Максим поднял глаза.

И впервые за все дни, за три недели комы, в его взгляде появилась не боль — решимость.

— Я хочу знать, — сказал он.

И надавил на сургуч.

Конверт треснул.

В ту же секунду весь вокзал взорвался ярким белым светом —

и тень от пассажирской колонны дернулась, как живое существо,

обернулась на Глеба,

и исчезла.

Письмо

Когда реальность вздыхает

Сургуч треснул.

Звук был тихим — будто кто-то щёлкнул костяшками пальцев.

Но мир взорвался.

Платформа 13 вспыхнула белым светом, настолько ярким, что Глеб прикрыл глаза локтем, а Максим — наоборот — замер, позволив свету ударить в лицо.

Туман взвыл.

Не просто звук — крик, словно у тумана были лёгкие, голос и... страх.

— НЕТ!

НЕТ!

НЕ СЕЙЧАС!

НЕ ОН!

Платформа ходила ходуном, рельсы растворялись, как спички в кипятке. Знаки падали, превращаясь в белые полосы. Мир треснул по диагонали — разлом, похожий на разбитое стекло, прошёл по платформе.

Но Максим стоял.

И держал конверт.

— Он... горячий, — прошептал он.

— Всё, что связано с правдой, обычно горячее, чем хоте-

лось бы, — пробормотал Глеб, всё ещё заслоняясь от света.

Максим развернул письмо.

Лист бумаги был старый, выцветший, как будто ему лет сто.

Но он не был пустым — наоборот, буквы вспыхивали прямо на глазах.

Слова проявлялись, словно их писали невидимой чернильной каплей:

«Максим. Я не смогу вернуться.»

Максим судорожно вдохнул.

Туман захрипел, становясь плотнее — будто пытался заткнуть рот самой реальности.

Буквы продолжили появляться:

«Но это не твоя вина. Я горжусь тобой.

И верю, что ты справишься.»

Пальцы Максима задрожали так, что бумага зашуршала. Глеб увидел — мир вокруг мальчика начал менять форму. Цвета стали ярче. Туман — сдвинулся назад.

Но вместе с этим иная тень — тонкая, вытянутая, как будто нарисованная другим, более опытным художником — прошла по стене платформы.

Глеб заметил её краем глаза.

Снова она.

Почему?

Зачем ей этот сон?

Максим не заметил. Он был погружён в письмо.

— Это... это его почерк... — прошептал он. — Я его узнал.

— Конечно узнал, — сказал Глеб тихо. — Мы всегда узнаём то, чего боимся больше всего.

Бумага дрогнула — и из её складок что-то выпало.

Медленно, как будто падало сквозь вязкий сон.

Маленький металлический предмет.

Он упал Максиму на ладонь — с тихим, звенящим звуком, который Глеб почему-то почувствовал в грудной клетке.

Звёздочка.

Старый детский значок.

Потускневший, но с чёткой надписью:

ЛУЧШИЙ СЫН.

ГОРЖУСЬ ТОБОЙ.

НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ.

Максим замер.

Глубокий вдох.

Мир вокруг перестал дрожать.

Туман снова завыл, но не уверенно — почти... жалобно.

— НЕ ВЕРЬ.

НЕ ЧИТАЙ.

НЕ-Е—Е—Е—Е...

Глеб усмехнулся:

— Демонстрация отчаяния подсознания: уровень — «пятилетка выполнена за три минуты».

Максим поднял звёздочку.

Прижал к груди.

И в этот момент — всё изменилось.

Платформа рассыпалась хлопьями света.

Туман отступил, превращаясь в прозрачную дымку.

Громкоговоритель издал последний, тихий, почти человеческий всхлип — и отключился.

А затем —

тишина.

И комната вокруг них изменилась.

Как будто кто-то снял слой старых декораций:

- стены стали яснее,

- воздух — теплее,

- таблички — читаемыми,

- свет — тёплым, почти домашним.

Но главная перемена была внутри Максима.

Он перестал выглядеть замёрзшим.

Он стал... настоящим.

— Он знал, что я буду бояться, — тихо сказал Максим, глядя на звёздочку.

— Конечно, — ответил Глеб. — Он же отец.

Максим поднял голову:

— Но почему он не написал больше? Почему... так мало?

Глеб прикоснулся к его плечу.

— Потому что иногда несколькими словами можно вернуть человека к жизни. Он кивнул на звёздочку: — Считай

это... ключом.

Максим кивнул.

И в этот момент, за спиной у них, туман поднялся последний раз.

Но теперь — тихо. Почти уважительно.

И из его глубины проскользнула тень. Длинная.

Тонкая. Знакомая.

Глеб замер.

Она.

Тень задержалась на мгновение — будто изучала его.

А затем растворилась, как если бы её никогда и не было.

Глеб не сказал ни слова.

Максим протянул ему письмо:

— Глеб... я готов.

Мир вздохнул.

Платформа исчезла.

Сон начал разворачиваться внутрь — возвращая их к выходу.

Убежище

Комната из памяти

Белый свет рассеивается.

Мир складывается заново — не как вокзал, а как что-то совсем иное.

Под ногами больше нет бетонной платформы.

Теперь там — тёплые доски пола. Слегка поскрипывающие. Стены — не железнодорожные, а деревянные. Потолок — низкий, домашний, будто наклонённый чуть ближе, чтобы обнять взглядом.

Глеб моргнул.

— Ну привет, сюрприз третьего уровня, — тихо пробормотал он.

Он стоял в середине комнаты.

Той самой комнаты, которой не бывает в реальности — только в памяти.

Уютной.

Тёплой.

Той, что пахнет детством и какао.

Полки с динозаврами.

Кривоватый пуфик, на котором никто давно не сидел.

Старый видеомаягнитофон на пузатом телевизоре.

Плед с медвежатами.

И рисунки — детские, наивные, неровные, но такие на-

стоящие, что сердце сжимает.

Максим замер в дверях, едва дыша.

— Это... — он сглотнул. — Это моя комната. Точно моя. Когда мне было шесть.

— Рад, что дизайн остался актуальным, — Глеб оглядел плакат с тираннозаврами. — Хотя динозавр справа, по-моему, хочет есть динозавра слева. Но это детали.

Максим шагнул вперёд, и мир будто выдохнул — так мягко, что Глеб это почти почувствовал кожей.

Комната была живая.

Она тянулась к Максиму как воспоминание, которое долго держали в темноте.

За окном — летнее солнце.

Трава — зелёная, дрожащая от лёгкого ветра.

И щемящее ощущение: это то место, куда ребёнок бежал, когда боялся темноты.

Глеб внимательно смотрел на мальчика.

Его плечи дрожали.

Не от страха — от узнавания.

— Ты прятался не от мира, Максим, — тихо сказал он. — Ты прятался к тому, что осталось светлым.

Максим подошёл к полке, провёл пальцами по пыльной рамке с фотографией.

На ней — он маленький, на плечах у отца.

Отец смеётся. Настоящим смехом, не позой для камеры.

Максим дотронулся до стекла.

— Я... думал, что он ушёл злым. Разочарованным. Что я... подвёл.

— Дети всегда так думают, — ответил Глеб. — Это их врождённый талант. Хоть в олимпийские игры отправляй.

Максим грустно улыбнулся. И в этой улыбке — боль, надежда и долгий путь к принятию.

Глеб двинулся дальше в комнату — и только тут заметил странность.

Один угол комнаты — едва заметно темнее. Как будто свет туда не хочет падать.

Слишком ровная тень.

Слишком тихая.

Глеб замер на долю секунды.

Опять она?

Зачем?

Максим, не замечая этого, уже стоял у старой картонной коробки с конструктором.

— Там... — он шёпотом сказал. — Там мы строили ракету. Он помогал мне.

— Строить ракеты — важное дело, — кивнул Глеб. — Полезный навык. Особенно если жизнь периодически атакуют чёрные туманы.

Максим осторожно открыл коробку.

Соскабливая пыль пальцами, будто боялся разрушить что-то хрупкое.

И вот она — картонная ракета.

Кривоватая, склеенная не совсем ровно, но со всей детской серьёзностью. На боку — надпись фломастером:
«СТАРТ 1. ДЛЯ ПОЛЁТА ВПЕРЁД».

Максим дрогнул всем телом.

— Я... помню это.

Он взял ракету. Потрясённо. Как будто держал собственное сердце.

Глеб шагнул ближе.

— Где-то здесь он оставил тебе что-то. Ключ. Твой мозг прятал это всё это время.

Максим коснулся верхней части ракеты. Провёл пальцем по шву. Задержал дыхание.

— Вот здесь... — прошептал он.

Он нажал — и картон мягко поддался.

Внутри — маленькая подушечка из старой ваты.

И на ней — компас.

Игрушечный. Пластмассовый корпус. Стекло поцарапанное. Но стрелка — живая, точная, чёткая.

Глеб присел на корточки рядом.

— Иногда направление важнее дороги, — тихо сказал он.

Стрелка дёргалась, как будто нервничала.

И в конце концов — остановилась.

Прямо на письмо.

На правду.

Максим понял. И медленно вдохнул.

Он поднял письмо — и в этот момент мир замер.

Комната застыла, как на старой плёнке.

Даже пылинки в воздухе перестали двигаться.

Глеб тихо сказал:

— Похоже, выбор сделан.

Максим кивнул. В его глазах — решимость, наконец-то рождающаяся из боли, а не из страха.

— Я... готов, — сказал он.

Солнце за окном стало ярче. Комната озарилась тёплым светом.

Но в дальнем углу, где тень была слишком густой — что-то пошевелилось.

Глеб поймал это краем глаза. Повёрнутая голова.

Плечо. Силуэт.

Не может быть...

Но когда он повернулся — там уже была только тень мебели.

Максим этого не заметил.

Он держал письмо и компас.

И эти две вещи — больше не пугали его.

Глеб вздохнул.

— Тогда идём, — сказал он. — У нас впереди финальный шаг.

Комната дрогнула, словно благодарила — и стала растворяться.

Свет, туман, тепло — всё смешалось.

И Глеб понял: возвращение началось.

Ключи к выходу

Когда забытое вспоминает само себя

Комната растворялась мягко — как акварель под дождём. Но вместо пустоты мир снова собирался — плотнее, глубже. Синий, дрожащий свет. Зелёная трава под ногами. Легкий ветер. И ощущение: это не пейзаж. Это — воспоминание, которое осталось ждать его целую жизнь.

Глеб моргнул.

Он стоял на знакомой лужайке перед домом Максима. Летом, которое всегда бывает только один раз — когда тебе шесть. На экране старого телевизора в вагоне — был этот же кадр. Но там он был выцветшим, трясущимся. Здесь же — яркий, живой, наполняющий.

Воздух пах мятой, солнцем и счастьем. Слишком настоящим для сна. Максим медленно шагнул вперёд, будто выходил на сцену, где его ждала давно забытая роль.

— Это... было до того, как он уехал, — прошептал он.

Глеб повернулся к нему:

— Похоже. Сны редко показывают «просто так». Они режиссёры похуже Тени, но лучше любого терапевта.

Максим улыбнулся — коротко, но впервые по-настоящему.

Рядом с кучей коробок на траве сидел его отец.

Тот самый — живой, тёплый, с мягкой улыбкой.

Тот, который уезжал... и не вернулся.

На мгновение Глеб почувствовал, как пространство дрогнуло — будто эта сцена не хотела, чтобы её трогали.

Но память была сильнее сна.

Отец говорил маленькому Максиму:

— Любой полёт начинается с веры. Своей собственной. Никто её не подкинет, кроме тебя.

Максим выдохнул:

— Я... забыл это.

— Ничего, — сказал Глеб. — Память — хитрая штука. Иногда она ждёт подходящего момента. Иногда — подходящего человека.

Маленький Максим на видео взглянул на отца такими же глазами, какие сейчас были у подростка — ещё влажными, но уже ясными.

Отец подал маленькому Максиму что-то в руку.

Блик света. Солнечная вспышка. Нечёткое пятно.

Сон задержал этот момент — как будто хотел, чтобы Максим сам вспомнил.

Большой Максим дотронулся до груди, где под футболкой лежала звёздочка.

— Это... он дал мне её тогда, — прошептал он. — Маленькому мне. А я... забыл. Потерял.

— Не потерял, — мягко поправил Глеб. — Спрятал. Там, где было слишком больно искать.

В этот момент экран «воспоминания» издал дрожащий

звук, и изображение начало плясать, словно плёнка застряла. Мир вокруг стал двоиться: детская лужайка и тёмная вокзальная платформа накладывались друг на друга.

Глеб мгновенно стал серьёзным.

— Максим. Сейчас твой сон попытается свернуть воспоминание назад. Ты готов?

Максим сжал компас и письмо в руках.

— Да.

Вокруг них — треск. Небо дрогнуло, покрываясь чёрными прожилками. Ветер стал холодным

Максим держал письмо — и оно светилось.

Тихим, ровным светом. Не фантастическим — настоящим, как свет фонарика под одеялом.

Письмо тянуло его куда-то. Стрелка компаса дергалась, пока не указала прямо на дверь дома.

Максим подошёл к ней. Глеб шагал рядом.

— За дверью что-то важное? — спросил он.

Максим кивнул:

— Там было последнее место, где мы виделись. Он сказал... что скоро вернётся.

Ветер поднялся — холодный, как реализация чужой ошибки. Стены дома стали прозрачными, словно нарисованными на стекле. Внутри — темно.

Глеб крепче сжал плечо Максима:

— Помни, что это просто сон.

— Нет, — Максим покачал головой. — Это память.

— Значит, ты справишься.

Он дотронулся до дверной ручки — и та была горячей, как железо на солнце.

Внутри дома:

- коридор, длиннее, чем должен быть;
- стены, которые дышат;
- фотографии, которые меняют выражения лиц.

Компас светился ярче.

Стрелка дрожала.

Максим остановился у старого комода.

Он нахмурился.

— Здесь... — прошептал он. — Вот здесь он оставил мне вторую часть.

— Вторую? — Глеб приподнял бровь. — Ты как сериал. У тебя всё по сезонам.

Максим открыл верхний ящик.

Пусто.

Но письмо в его руке вспыхнуло раз — и в глубине комода проступил силуэт маленького пакета, как будто он был распечатан заново.

Максим дрожащей рукой вытащил пакет.

Внутри — маленький магнитный ключ.

Ровный. Металлический. Тёплый.

На нём выгравировано:

Домой.

Максим выдохнул — так глубоко, будто впервые за три

недели сделал настоящий вдох.

И тогда — тень в углу комнаты пошевелилась.

Глеб резко обернулся.

На мгновение — силуэт стоял там. Тонкий.

Человеческий. Но наклон головы был слишком знакомым,
слишком опасным.

Тень тихо сказала, без звука:

«Рано...»

И исчезла.

Глеб посмотрел на Максима:

— Ладно. У тебя всё для выхода. Ключ, направление,
правда... Чего ждём?

Максим сжал ключ, письмо и звёздочку.

— Я... хочу домой.

— Тогда открывай, — кивнул Глеб.

Комната содрогнулась. Пол ушёл вниз. Свет взорвался.

И всё поглотила белизна.

Тот самый кулон

Когда тишина говорит громче слов

Белый свет отступал медленно — будто не хотел отпускать их. Он скатывался по стенам, сворачивался, как простыня, и исчезал в воздухе.

Когда мир собрался вновь, это уже была не комната и не лужайка. А пространство без углов, без стен — как маленький овал тишины, где сон сам держит дыхание.

Максим стоял в центре. И держа свой ключ, звёздочку и компас, он выглядел так, словно держал все три варианта продолжения собственной жизни.

Глеб не вмешивался. Только чуть наклонил голову — мол, «давай, парень».

Максим развернул письмо.

Лист был почти прозрачным теперь — не как бумага, а как тонкий слой воспоминания. И посреди него, аккуратно сложенная, лежала та самая маленькая вещь, которую он не мог вспомнить много лет.

Она упала на его ладонь с тихим, хрустальным звоном.

Кулон. Та самая звёздочка.

Но не такая, как раньше — не игрушечная, не холодная и не тусклая. Теперь она была другой:

- металл сиял мягким золотистым светом,
- края были гладкими, словно её кто-то только что отпо-

лировал,

- а внутри... будто тлеело крошечное ядро света.

Максим заморгал.

— Она... изменилась.

— Ммм, — Глеб прищурился. — Память иногда реставрирует вещи лучше любого музея.

Максим сжал кулон. И в этот миг мир чуть дрогнул — будто кулон был чем-то вроде ключа от механизма, который только ждал его прикосновения.

На обратной стороне кулона засияла выгравированная надпись:

ЛУЧШИЙ СЫН.

ГОРЖУСЬ ТОБОЙ.

ТЫ НЕ ВИНОВАТ.

Максим резко вдохнул.

— Он никогда... не говорил это так. — Голос дрожал. — Он... он никогда не говорил этих слов вслух.

— Ну, — Глеб пожал плечами, — родители часто надеются, что дети догадаются сами.

Он посмотрел на кулон. — А твой — ещё и оставил доказательство.

Максим закрыл глаза на секунду — и когда открыл, в них стояла та самая боль, которая всю жизнь была заперта глубоко внутри.

Но теперь рядом с болью была и сила.

— Я... столько лет думал, что он ушёл из-за меня, — ска-

зал он, едва слышно. — Что он... не хотел возвращаться.

Глеб тихо ответил:

— Он ушёл по взрослым причинам. А взрослые причины — это всегда каша из обстоятельств, страхов и дурацкой судьбы.

Он усмехнулся:

— Если бы дети знали правду, половина мировой психологии обанкротилась бы.

Максим чуть улыбнулся — сквозь слёзы, но уже по-настоящему.

Кулон снова вспыхнул — ярче.

И в этот момент пространство вокруг них начало менять форму. Свет стал теплее, мягче. Он складывался в очертания... комнат, коридоров... больничной аппаратуры.

Возвращение.

Белый свет вспыхнул — уже окончательно.

Звук вернулся первым:

пик-пик-пик

— кардиомонитор, живой и настойчивый.

Потом запахи: стерильность, кислород.

Затем тело — тяжёлое, но настоящее.

Максим открыл глаза.

Потолок процедурной. Сильный свет ламп.

Шёпот врачей.

Он сделал глубокий вдох — первый полный вдох за три недели.

Капсула щёлкнула, крышка поднялась.

И перед ним — доктор Коваленко.

С глазами, в которых тревога плавно переходила в облегчение.

— Максим? Ты слышишь меня?

— Да, — его голос был хриплым, но уверенным. — Я... дома.

Он повернул голову — и увидел вторую капсулу.

Она тоже открывалась.

Глеб моргнул, несколько раз, медленно пришёл в себя. Его волосы торчали в разные стороны, словно он пытался подраться с электричеством.

— Ну что, — выдохнул он, — вылетели.

Максим улыбнулся — впервые легко, без напряжения.

В его руке, в слабом освещении процедурной, лежал кулон-звёздочка.

Настоящий.

И свет на его поверхности был тёплым. Не фантазией. Настоящим.

Признание

Когда возвращение — это тоже путь

Возвращение всегда было похоже на резкий подъём из глубины:

сначала — тишина, потом — шум крови в ушах, и наконец — мир, который врывается обратно, не спросив.

Максим лежал в капсуле, прижимая к груди кулон-звёздочку. Она была тёплой — будто внутри неё билось маленькое, но упрямое сердце.

Он моргнул. Потолок процедурной казался слишком белым, слишком настоящим.

На секунду ему показалось, что он снова во сне.

Но рядом слышалось тихое:

— Ну? Как ощущения? Не шатает? Не двоится? Не хочется проверить, не крылья ли выросли?

Максим повернул голову.

Глеб сидел на соседней кушетке, держась за виски, как будто только что спорил с пространственно-временной реальностью — и проиграл со счётом 0:1.

— Я... дома? — Максим попытался подняться, но руки предательски дрожали.

— Ну, — Глеб пожал плечами. — Если считать мир с налогами и школьными контрольными — домом, то да.

Максим попытался улыбнуться — и получилось.

Доктор Коваленко стояла у его капсулы, склонившись над монитором. Она не делала вид, что профессиональна — она действительно проверяла показатели так, будто перед ней был самый сложный случай года.

— Давление в норме. Пульс стабильный. Сознание ясное. Она подняла глаза на Максима.

— Молодец.

Максим открывал рот, чтобы ответить, но голос сорвался. Коваленко чуть кивнула — строгим, но тёплым жестом.

— Можешь говорить потом. Сейчас просто дыши.

Глеб повернулся к мальчику и тихо произнёс:

— Макс, если хочешь, я могу отойти...

Максим покачал головой:

— Нет... останьтесь.

Он замялся.

— Я... должен сказать.

Тишина в процедурной стала плотной — будто мир тоже прислушивался.

Максим сжал кулон. Голос был дрожащим, но уверенным:

— Спасибо вам. Я... не знал, что можно... так.

Он сглотнул.

— Что можно встретить его... не так, как я боялся. Не в тумане. А там, где было... хорошо.

Глеб тихо улыбнулся.

— Сон — это не клетка, Макс. Это место, где мозг пыта-

ется сказать то, на что в реальности у него нет слов.

Он постучал по столу пальцем:

— Твоё подсознание — умнее, чем ты думаешь. И добрее, чем ты верил.

Максим не сразу нашёл ответ. Но нашёл:

— Я помню. Всё.

Коваленко удивлённо подняла голову — это случалось нечасто даже у сильных пациентов.

— Даже... там, — продолжил Максим. — Где он говорил... Он коснулся кулона.

— «Ты не виноват».

Глеб кивнул.

— Это самое тяжёлое, что было спрятано.

Он мягко добавил:

— Когда мозг хоронит чувство вины, он делает это глубже, чем память. И иногда мы живём с этим грузом, даже не зная, что несём его.

Максим закрыл глаза на секунду — не от усталости, а чтобы удержать внутри это новое ощущение. Будто какой-то тёмный узел внутри него наконец развязали.

— А ещё... Он открыл глаза.

— Я видел что-то... рядом с вами.

Глеб затаил дыхание едва заметно.

Опять она. Даже здесь.

— Что именно? — спокойно спросила Коваленко.

Максим нахмурился, пытаясь сформулировать:

— Тень.

Но не как туман. Она... стояла за вами. Смотрела.

Потом исчезла.

Коваленко перевела взгляд на Глеба.

Тот слегка пожал плечами — мол, «не в первый раз».

— Сны иногда оставляют... эхо, — тихо сказал Глеб. —

Особенно сильные.

Максим посмотрел на него внимательнее.

Как будто понял больше, чем должен был. Но не спросил.

И это спасло ситуацию.

Он глубоко вдохнул:

— Я хочу жить.

Он произнёс это тихо, но эти слова прозвучали громче всех аппаратов в комнате.

— Не ждать. Не застревать. Не прятаться.

Глеб кивнул.

— Это лучшее, что можно услышать от любого пациента.

Коваленко шагнула ближе:

— Максим, твоё тело придёт в себя через день-два. Но эмоционально... ты уже вышел. Она улыбнулась — мягко, почти по-матерински.

— Ты справился.

Максим снова посмотрел на Глеба:

— Вы... вернули мне отца. Пусть только во сне... но я теперь знаю, что он был. И что он любил.

Глеб тихо ответил:

— Я лишь подсветил дорогу. Ты шёл сам.

Максим прижал кулон к груди.

— Я... вернусь, когда нужно будет помочь. Обещаю.

Глеб рассмеялся:

— От такого обещания и взрослые пугаются, и судьба сразу начинает писать нам приключения.

Максим улыбнулся шире.

Кулон засиял — слабым, но настоящим светом.

И Глеб понял:

этот мальчик больше никогда не вернётся в ту петлю.

Ни во сне, ни в жизни.

Обещание

Когда новая жизнь делает первый вдох

Сквер встретил Глеба запахом мокрой листвы и хрустящей свежестью раннего вечера — таким воздухом обычно дышат города, которые только что пережили дождь и теперь притворяются, что они всегда были чистыми.

Глеб сидел на своей любимой скамейке — той, что под старым клёном, который отчаянно пытался сбросить половину листвы за раз, словно хотел скрыть преступление осени. В руках — бумажный стакан с остывшим кофе. На столике — ноутбук, открытый на профиле его следующего пациента. Но Глеб пока не смотрел туда.

Он смотрел вперёд — в никуда.

Редкая роскошь для человека, который слишком часто смотрит внутрь чужих кошмаров.

Странное чувство накатившей тишины не покидало его. Тишины — не пустой, а наполненной... результатом. Максим проснулся. Максим вышел.

А значит, мир на сегодня стал на один светлый узел меньше.

— Здравствуйте, Глеб.

Глеб поднял глаза.

Максим стоял напротив — высокий, уже заметно крепче на ногах, в тёмной толстовке и джинсах, которые выгляде-

ли слишком взрослыми для шестнадцатилетнего. Но самое важное — взгляд.

Он был чистым, ясным. Без тумана и без застоя.

— О, командир, — Глеб улыбнулся легко. — Ты вовремя. Я уже начал думать, что у подростков есть встроенный датчик опоздания.

— Может, и есть, — Максим чуть смутился. — Но... мне хотелось увидеть вас. Сразу.

Глеб кивнул на свободное место на скамейке.

— Садись. Сквер — место для серьёзных разговоров. И кофе, который на вкус как сожаление.

Максим сел, аккуратно поставив на столик небольшой бу-
мажный пакет.

— Я принёс вам кое-что. Маффины. Домашние.

Он понизил голос:

— Я... не сам их пёк, но выбирал честно, с душой.

— Пир в честь выжившего, — Глеб взял пакет с серьёзным уважением. — Одобряю. У нас так принято. Хотя... у нас вообще мало что принято.

Максим улыбнулся — искренне, тепло.

Затем повернулся к Глебу, став серьёзнее.

— Я хотел сказать...

Он замолчал, и Глеб дал ему время.

— Вы... не просто вернули меня, — наконец произнёс он.
— Вы вернули мне отца. Его слова. Его... веру в меня.

Глеб тихо кивнул.

— Иногда память — это лучшее лекарство. Особенно та, которую мы забыли по собственной защите.

Он усмехнулся:

— Ты удивишься, сколько людей хранят важнейшие вещи так глубоко, что любой археолог бы обзавидовался.

Максим грустно — но уже не болезненно — улыбнулся:

— Я ношу кулон.

Он достал его — тот самый золотистый, тёплый, не игрушечный. На солнце он сверкнул так, будто внутри всё ещё жил маленький луч.

— Кажется, — сказал Максим тихо, — он больше не даст мне потеряться.

— Это он умеет, — подтвердил Глеб. — И отец твой тоже.

Максим поднял взгляд — и в нём вдруг появилась серьёзность, не по возрасту.

— Если вам когда-нибудь понадобится помощь...

Он сжал кулон.

— Я буду рядом.

— Это обещание? — мягко уточнил Глеб.

Максим кивнул — коротко, но твёрдо:

— Да. Обещание.

— Осторожно, — Глеб поднял палец, — такие обещания чаще всего исполняются в самый неожиданный момент. Мой опыт подсказывает: если ты кому-то нужен — это случится. И не обязательно в удобное время.

Максим чуть фыркнул от смеха:

— Я готов.

Он поднялся, взял пакет из-под маффинов, и на секунду замялся — словно хотел что-то ещё сказать.

Но не сказал.

Только кивнул Глебу и пошёл по дорожке, усыпанной листьями, которые тихо шуршали под ногами — будто подсказывали новый ритм его собственной жизни.

Глеб смотрел ему вслед.

Максим не оглянулся — и это был лучший знак.

Оглядываются только те, кто всё ещё боится оставить что-то позади.

Глеб поднёс стакан кофе к губам, но остановился — взгляд зацепился за тень от клёна.

Она была длиннее, чем должна была быть при таком солнце. И тень чуть дрогнула. Совсем чуть — будто подмигнула.

Глеб медленно выдохнул.

— Началось, — тихо сказал он себе, закрывая ноутбук. — Ладно. Посмотрим, что будет дальше.

Ветер поднялся — лёгкий, игривый.

Листья закружились, как будто знали какой-то секрет, который пока что знал только один человек.

Глеб встал. Впереди был новый пациент.

Максим спасён. Но вечером, на скамейке в парке, тень от клёна дрогнула — будто подмигнула Глебу.

«Началось», — тихо сказал он себе. И был прав больше, чем думал.

Продолжение — в книге: " Его называют Пробудитель. Тишина эха."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.